

Е.С. Соболева

Ю.Ю. КАРПОВ: ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В сентябре 1973 г. на кафедре этнографии и антропологии (далее — КЭА) исторического факультета ЛГУ поступили всего два абитуриента — Александр Иванович Азаров, уже имевший опыт обучения в техническом вузе, и я, выпускница средней (английской) школы № 26 г. Таллина. Специализацию по этнографии избрали слушательницы рабочего факультета Татьяна Михайловна Гудкова и Ольга Валериановна Ларина. Такой чересчур «женский» набор первокурсников был воспринят как ЧП на «суровой мужской» кафедре. В то время студенты при поступлении указывали, на какой из девяти кафедр они хотели бы учиться, но специализация по истории искусств, археологии, антропологии и этнографии начиналась уже на I курсе (а не на III-м, как на факультете). На сентябрь весь курс был отправлен на сбор урожая в деревню Топольки Выборгского района. Именно там, в полевых условиях, заведующий кафедрой Рудольф Фердинандович Итс поручил нам присмотреться и провести агитацию среди студентов мужского пола, убедить будущих историков специализироваться по этнографии (что выбрал уроженец Южной Сибири Василий Васильевич Глухов) или антропологии (это направление науки привлекло двух Юриев — ленинградца Юрия Юрьевича Карпова и приехавшего из г. Шелихова Иркутской области Юрия Константиновича Савватеева).

Так Ю. Карпов, фанат археологии, еще школьником занимавшийся в городском археологическом кружке, пал жертвой кадровой политики исторического факультета. Все годы обучения программа кафедры археологии была в фокусе нашего особого внимания, ибо первая любовь к науке не забывается. Но введение в специальность и другие профильные курсы первого семестра были настолько сложны и насыщены, что, когда после зимней сессии отчислились разочаровавшиеся в археологии студенты, с КЭА никто не сделал попытки туда перевестись. Зато на курс стали переводить иностранных студентов, а в последующие годы и стажеров. С нами начинали

учиться Исабель Авила (Боливия), Омар Махджуб Каррар (Судан), Себастьян Нлаза (Ангола); Фанни Трухильо Жепес (Колумбия), переведясь из Академии культуры, сумела досдать все предметы и уложилась в определенный страной срок; Пемалока Алаватугода (Шри Ланка) и Жузе Гарсиа Луманисакио (Ангола) затем продолжили обучение в аспирантуре и защитили кандидатские диссертации по этнографии в Институте этнографии АН СССР.

Введение в этнографию читал Р.Ф. Итс, введение в антропологию — Илья Иосифович Гохман. Куратор нашего курса Александр Вильямович Гадло читал этнографию народов Кавказа и Европейской части СССР, Дмитрий Глебович Савинов — этнографию народов Сибири и Дальнего Востока, Борис Петрович Шишло — методику полевых исследований. Строгий лаборант кафедры Лидия Петровна Лисненко стремилась воспитать в нас дисциплину и ответственность.

Так мы были теоретически подготовлены к первой экспедиционной практике. В июле 1974 г. около 20 студентов ЛГУ выехали в Карачаево-Черкесию на раскопки хазарской крепости Хумара на берегу р. Кубани. К нам присоединились студенты-художники из местного педвуза. Вся экспедиция разместилась в деревянном домике, там же была и столовая. Дежурные готовили еду и мыли посуду на улице. Туалеты и умывальники находились поодаль. За питьевой водой надо было ходить на источник, так что воду экономили. Городище находится на высоте 500 м над уровнем моря, жара и высота сказывались на самочувствии новичков, осваивавших экспедиционный быт. Солнечных ожогов избежать не удалось, но отравлений и болезней не было.

А.В. Гадло доверил вести раскопки крепостной стены над обрывом самым крепким и ответственным молодым людям, в том числе студентам-этнографам, и среди них — Ю. Карпову. Перерыв в работе с 13 до 16 позволял отдохнуть в самое жаркое время дня. По вечерам наслаждались общением, которое А.В. Гадло умел организовать и направить в плодотворное русло, сделать тяжелую работу веселой и увлекательной. А. Азаров играл на гитаре, а Ю. Карпов обладал прекрасным голосом и владел обширным репертуаром экспедиционных песен. Осваивались популярные песни на карачаевском языке, местные виды лезгинки и африканские танцы. Шесть

иностранцев, в том числе арабы, которые временами надевали свои суданские джалабии, подстегивали интерес к экспедиции местных жителей, особенно во время ознакомительных поездок в выходные дни.

В августе историки разъехались отдыхать, а этнографы перебрались в аул Учкулан Карачаевского района. А.В. Гадло давал задания по сбору комплексной информации по этнографии карачаевцев, и на месте мы практически не сидели. Очевидно, результаты удовлетворили Александра Вильямовича, потому что на следующий год он просил Ю. Карпова и А. Азарова по возвращении из Сибири снова приехать в Карачаево-Черкессию и помочь ему в экспедиции, но эти планы были сорваны эпидемиологической ситуацией на Кавказе.

А.В. Гадло личным примером учил нас, первокурсников, профессиональной коммуникации, уважению к информанту, терпению, тонкостям гендерного кавказского общения, методам безопасности. Мы закалились, научились жизни в горах, навыкам гигиены в некомфортных условиях, попробовали незнакомую пищу, проверили себя. Школа А.В. Гадло подготовила нас к будущей полевой работе. Несомненно, эти навыки помогли Ю. Карпову в его самостоятельных кавказских экспедициях. Отслужив в рядах Советской армии, Ю. Карпов и А. Азаров выезжали в экспедиции от Института этнографии АН СССР, а в 1982 г. описали *игби* — праздник середины зимы цезов (дидойцев) в с. Шаитли (Республика Дагестан) — и привезли в МАЭ ценную коллекцию костюмов и масок мужских союзов.

В 1975 г. Р.Ф. Итс повез второкурсников в экспедицию в Туруханский район Красноярского края. В состав отряда входили А. Азаров, В. Глухов, Ю. Карпов, Ю. Савватеев, я и московский аспирант Валерий Осин, а также супруга Р.Ф. Итса Галина Геронтьевна. Мы спустились по р. Енисей от Красноярска до Игарки. Самолетом из Верхнеимбатска перелетели в Келлог, из Туруханска — на Мундуйское озера. На енисейском Севере Р.Ф. Итс работал в 1958, 1959, 1960 и 1961 гг., помнили и принимали его, а заодно и нас, тепло и радушно. Это был прекрасный образец того, как вели полевую работу классики отечественной этнографии. Выйдя из тайги в поселение, Р.Ф. Итс брился, надевал парадную рубашку (что и нам велел) и отправлялся на беседу в органы власти.

Традиционно он учил и проверял своих студентов на деле. Мы сами шили накомарники, обустроивали жилье, вешали противомоскитные сетки над спальными мешками, рубили дрова, разжигали огонь, добывали и готовили еду. Но и проблемы своему шефу студенты устраивали нетривиальные. В кетском поселке Келлог 17 июля, День этнографа, мы отпраздновали на острове посреди широкой реки Елогуй, куда не долетали комары. Светило солнце, было жарко (около $+30^{\circ}\text{C}$), но страсть к рыбалке возобладала. Хариус бешено клевал, рыбаки в азарте бегали с удочками по берегу. Я к ним переплыла холодный Елогуй и с трудом, но доплыла обратно на остров, обеспокоив Р.Ф. Итса. А наутро выяснилось, что от укусов оводов чувствительная кожа рыбаков — А. Азарова и Ю. Карпова — воспалилась настолько, что ноги распухли и на них не налезали сапоги. Пришлось им отлеживаться и залечивать аллергический отек.

Не менее драматичным оказалось пребывание на Мундуйском озере. Там имелаась база рыбаков, а также летние чумы и землянки кетов. Похозяйственные книги хранились в пос. Курейка, а для их изучения Р.Ф. Итс отрядил троих — меня, Ю. Савватеева и В. Глухова. Надо было пройти 12 км по таежной тропе до р. Курейка и попутным катером (там велось строительство Курейской ГЭС) добраться до Енисея. Обратное нас довезли до тропы попутной лодкой. А на другой день Ю. Савватеев перед ужином вышел дострелять из «тозовки» оставшиеся после похода патроны и не вернулся. Всю ночь мужчины — кеты и члены экспедиции — искали его в тайге, женщины грели воду. Утром Р.Ф. Итс отправил в Курейку за помощью В. Осина и Ю. Карпова. Через некоторое время вернулся Ю. Савватеев и объяснил, что заблудился в тайге, ночь провел, завернув голову в куртку (хотя покусан гнусом он был очень сильно), и выстрелов не слышал, утром залез на дерево, определил направление к озеру и вышел к стойбищу. Удалось выстрелами подать сигнал и вернуть гонцов. Тогда-то и выяснилось, что у Ю. Карпова от длительного хождения по лесу на ступнях вспухла и отошла вся кожа, но он промолчал и отправился в путь выручать товарища...

Р.Ф. Итс высоко оценил эти личные качества Ю. Карпова, так же как и его мягкий юмор, самоиронию, трудолюбие, исполнительность, восприимчивость, видел в нем большой научный потенциал. Ю. Карпов унаследовал от отца-художника творческие способно-

сти, но опасался их демонстрировать. Свои художественные таланты Ю. Карпов частично реализовал в вербальной форме — в книгах и многочисленных статьях.

Это следует подчеркнуть особо, поскольку первые четыре года Ю. Карпов и Ю. Савватеев (который стал чемпионом ЛГУ по бегу) изучали физическую антропологию и осваивали специальные дисциплины на биологическом факультете. Но для написания дипломной работы они оба изменили специализацию на этнографию. Ю. Карпов сумел за год фактически освоить новую специальность и написал дипломную работу по кавказоведению.

Школа А.В. Гадло, Р.Ф. Итса, В.А. Козьмина (с которым Ю. Карпов ездил в экспедицию к манси после III курса), традиции Института этнографии АН СССР не могли не повлиять на личность Ю.Ю. Карпова и сформировали его характер.